

Фотолюминесцентные свойства микросферического алюмохромового катализатора

А. А. Расторгуев, М. Г. Баронский, Н. А. Зайцева, Л. А. Исупова,
А. И. Костюков, Т. В. Ларина, Н. А. Пахомов, В. Н. Снытников

Исследована электронная структура модельных алюмохромовых катализаторов $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ дегидрирования изобутана методом стационарной фотолюминесценции (ФЛ). Содержание хрома в образцах в пересчете на Cr_2O_3 варьировалось от 0,1 до 11,0 масс.%. В условиях сильной реабсорбции измерены спектры люминесценции и спектры возбуждения катионов Cr^{3+} . Показана принципиальная возможность обнаружения полиморфных фаз $\text{Cr}^{3+}:\text{Al}_2\text{O}_3$ (α -, γ - Al_2O_3), и разделения люминесценции на поверхностную и объёмную. Получены спектры люминесценции и возбуждения люминесценции Cr^{3+} промышленного алюмохромового катализатора ИМ-2201.

Ключевые слова: фотолюминесценция Cr^{3+} , α -, γ -фазы Al_2O_3 , модельные алюмохромовые катализаторы, продукт центробежной термоактивации гиббсита, дегидрирование легких алканов, промышленный катализатор ИМ-2201.

Electronic structure of the model alumina-chromium catalysts $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ for isobutane dehydrogenation was investigated using methods of steady-state photoluminescence. A chromium content was varied from 0,1 to 11,0 wt % in terms of Cr_2O_3 . Photoluminescence spectra and photoluminescence excitation spectra of Cr^{3+} cations were measured in strong conditions of reabsorption. The principal possibilities of polymorphic phases $\text{Cr}^{3+}:\text{Al}_2\text{O}_3$ detection and separation of the luminescence on the surface and bulk are demonstrated. Photoluminescence and photoluminescence excitation spectra of the industrial IM-2201 alumina-chromium catalyst are measured.

Key words: photoluminescence of Cr^{3+} ; α -, γ - Al_2O_3 phases; the model alumina-chromium catalysts; centrifugal thermal activation product of gibbsite; dehydrogenation of light alkanes; industrial IM-2201 alumina-chromium catalyst.

Введение

Алюмохромовые катализаторы на основе двойной системы $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ давно известны и их широко применяют в реакциях дегидрирования легких алканов [1 – 7]. Содержание хрома в катализаторах в пересчете на Cr_2O_3 в ряде случаев составляет 25 масс.% [1]. Свойства алюмохромовых катализаторов зависят от многих факторов: метода и режимов приготовления носителя, природы носимого компонента и разнообразия фазовых состояний, степени дисперсности [3, 6, 7]. Метод синтеза катализаторов сильно влияет на степень окисления, координационное число, соотношение основных видов зарядовых состояний катионов Cr^{n+} ($n = 2 - 6$) на поверхности и в объеме носителя [1 – 7]. На сегодняшний день нет полной ясности природы

каталитически активных центров в двойной системе $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ в реакциях дегидрирования алканов. Задачи повышения каталитической активности и селективности, снижения абразивных свойств алюмохромовых катализаторов в настоящее время остаются актуальными. Для решения этих задач необходимо детальное изучение электронной структуры катализатора. Привлечение ФЛ методик с их высокой чувствительностью, на 3 – 4 порядка большей по сравнению со спектрофотометрическими методами исследования, их селективностью и неразрушающим воздействием представляется перспективным направлением исследований образцов с высоким (свыше 1,0 масс.%) содержанием хрома. ФЛ свойства системы $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$, в частности $\text{Cr}^{3+}:\text{Al}_2\text{O}_3$, с содержанием хрома до 1,0 масс.% широко изучали в 60 – 70-х годах прошлого столетия,

например работы [8–10] стали классическими. Были созданы и развиты методы Cr^{3+} зондирования локальной структуры нанобъема, позволяющие различать фазовые состояния матрицы внедрения и исследовать локальную электронную структуру, например [11]. Измерения ФЛ при этом, как правило, проводят в условиях выполнения закона Ламберта–Бера. Для изучения электронной структуры алюмохромовых катализаторов в ФЛ задачах ранее не использовали Cr^{3+} -зонд, по крайней мере, нам неизвестны ФЛ исследования $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ с концентрациями, превышающими 1,0 масс.%. Известно, что для таких высокообогащенных по хрому катализаторов, в $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ системах, характерна окраска, которая по мере увеличения концентрации катионов Cr^{3+} меняется и при концентрациях ≥ 4 масс.% визуально воспринимается как черная. Дополнительно к этому, сложный фазовый состав, высокая степень дисперсности существенно затрудняют проведение измерений спектров ФЛ. По этим причинам, сама возможность наблюдения ФЛ катионов Cr^{3+} становится неочевидной.

Настоящая работа продолжает исследования по изучению влияния содержания хрома на свойства микроферрического алюмохромового катализатора дегидрирования изобутана [7].

Цель работы — ФЛ обнаружение катионов Cr^{3+} в высокообогащенных хромом $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ модельных алюмохромовых катализаторах (МАК) и изучение их электронной структуры.

Эксперимент

Приготовление образцов

Образцы $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ с содержанием хрома 0,1; 1,0; 4,0; 8,0; 11,0 масс.% в пересчете на Cr_2O_3 готовили методом пропитки носителя водным раствором хромового ангидрида. В качестве носителя использовали аморфный оксид Al_2O_3 , полученный методом центробежной термоактивации (ЦТА) гиббсита [7]. Продукт ЦТА обладал следующими характеристиками [7]:

- фазовый состав, в масс. %: гиббсит — 1,0, бемит — 7,4, аморфная фаза — 91,6;
- потери массы при прокаливании (ППП) при 800°C — 4,9 масс. %;
- удельная поверхность — $230 \text{ м}^2/\text{г}$;
- объем пор (влагоемкость) — $0,23 \text{ см}^3/\text{г}$.

Пропитку проводили по влагоемкости носителя. Для приготовления пропиточного раствора навеску хромового ангидрида растворяли в дистиллированной воде, полученный раствор приливали к носителю. Пропитку проводили в течение 30 минут при непрерывном перемешивании суспензии. Полученные образцы сушили на воздухе при комнатной температуре до сыпучего состояния, после чего сушили 2 ч в сушильном шкафу при температуре 100°C . Высушенные образцы прокаливали на воздухе в муфельной печи при температуре 750°C в течение 1 ч. При этой температуре завершалось формирование фазового состава носителя ($\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$) и формирование нанесенного оксида хрома в степенях окисления Cr^{6+} и Cr^{3+} [7]. В МАК с концентрацией хрома 8,0 масс.% дополнительно были введены промотирующие добавки K_2O и ZrO_2 . Образцы МАК представляли собой окрашенные мелкодисперсные порошки. Визуальная окраска, в зависимости от концентрации, менялась от практически бесцветной (для носителя), до темно-зеленой, и близкой к черному цвету (11,0 масс.%). Данные элементного анализа образцов МАК и $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ приведены в табл. 1. В качестве образца сравнения был использован промышленный катализатор марки ИМ-2201 (ОАО “Синтез-Каучук”) с химическим составом, в масс. % [12]: SiO_2 — 11,0, Al_2O_3 — 72,0, Cr_2O_3 — 13,0, K_2O — 2, 8.

Методы исследования

Ранее [7], образцы $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ с содержанием хрома 0,1; 1,0; 4,0; 8,0; 11,0 масс.%, были изучены методами рентгенофазового анализа (РФА), просвечивающей электронной микроскопии высокого разрешения (ПЭМВР), энергодисперсионного

Таблица 1

Элементный состав $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ и образцов МАК

№	Содержание хрома в пересчете на Cr_2O_3 , масс. %	Содержание элементов, 10^{-3} масс. %												Элементы легче F
		Al	Cr	Si	K	Fe	Ca	Zn	Ga	S	Zr	Hf	Na	
1	0 (носитель)	52,876	4	12	20	9	8	7	5	—	—	—	26	47,033
2	0,1	52,863	6	—	22	8	7	7	4	2	—	—	47	47,034
3	1,0	52,767	125	8	17	6	10	7	5	—	—	—	64	46991
4	4,0	52,194	866	22	17	9	17	8	4	—	2	—	38	46,823
5	8,0	50,079	2765	—	752	6	31	—	5	9	337	72	107	45,821
6	11,0	48,484	5662	29	19	8	10	7	3	4	1	—	35	45,738

рентгеновского микроанализа, а для образца с содержанием хрома 7,5 масс.% были измерены электронные спектры диффузного отражения (ЭСДО). В настоящей работе определяли элементный состав образцов, выполненный на рентгеноспектральном флуоресцентном анализаторе ARL-Advant'x с Rh-анодом рентгеновской трубки. Спектры ЭСДО в УФ- и видимой областях были сняты на спектрофотометре UV-2501 PC фирмы "Shimadzu" с приставкой диффузного отражения ISR-240 A. Спектры регистрировали относительно стандарта отражения — BaSO₄ в диапазоне 190 – 900 нм. Данные ЭСДО представлены в координатах: функция Кубелки – Мунка – длина волны. Измерения спектров ФЛ и спектров возбуждения ФЛ (ВФЛ) проводили на спектрофлуориметре CaryEclipse (Varian) при комнатной температуре. Источником света в этом приборе служила импульсная ксеноновая лампа с квазинепрерывным спектром. Воспроизводимость по длинам волн данного прибора составляла ± 0,2 нм. Измерения ФЛ охватывали область 300 – 900 нм, а спектры возбуждения ФЛ записывали в области 330 – 680 нм. Спектры ФЛ поправлены на спектральное распределение чувствительности фотомножителя, а спектры ВФЛ — на распределение интенсивности свечения лампы по длинам волн. Образцы помещали в кварцевую кювету, облучение и сбор свечения — фронтальный с минимизацией отраженного света возбуждения. Для сравнения и отнесения переходов в спектрах ФЛ и ВФЛ использовали образец монокристалла рубина (Cr³⁺ в α-Al₂O₃) [13], с концентрацией хрома 0,01 масс.%.

Результаты

Для всех образцов МАК и носителя γ-Al₂O₃ ФЛ наблюдается в области 600 – 850 нм при возбуждении в полосу λ_{макс} = 530 нм. На рис. 1 представлен сводный спектр ФЛ МАК и γ-Al₂O₃, полученный в одинаковых условиях и приведенный к сопоставимым интенсивностям. Все спектры близки по форме, имеют выраженный максимум вблизи λ_{макс} = 700 нм и монотонно спадающее плечо в области 700 – 850 нм.

На рис. 2 представлены спектры ВФЛ образцов МАК и γ-Al₂O₃ для полосы λ_{макс} = 700 нм. В спектрах ВФЛ присутствуют явно выраженные широкие полосы в двух областях — "синей" (350 – 500 нм) и "зеленой" (475 – 650 нм). Для всех МАК и γ-Al₂O₃ в указанных интервалах длин волн, видны близкие, но не совпадающие максимумы при λ_{макс} = 565, 570, 572, 580 нм — в зеленой и при λ_{макс} = 420, 440 нм — в синей областях. Спектры ВФЛ образцов МАК с концентрацией хрома 1,0 и 11,0 масс.%, помимо вышеуказан-

ных полос, имеют полосу в интервале 370 – 380 нм с λ_{макс} ~ 370 нм. Часть спектров, из-за сильного их перекрытия, показана на рис. 2б, кривые 5 и 6.

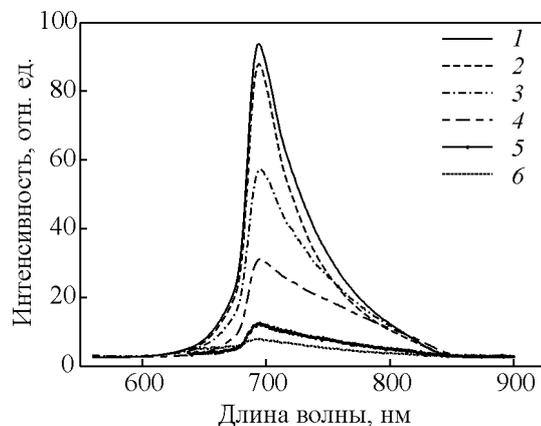

Рис. 1. Спектры ФЛ образцов МАК и γ-Al₂O₃ с различным содержанием хрома, масс. %: 1 – 0,1 (интенсивность уменьшена в 55 раз – I/55), 2 – 1,0 (I/55), 3 – γ-Al₂O₃ (I/4,5), 4 – 4,0, 5 – 8,0, 6 – 11,0. λ_{возб} = 530 нм. Спектральное разрешение – 10 нм.

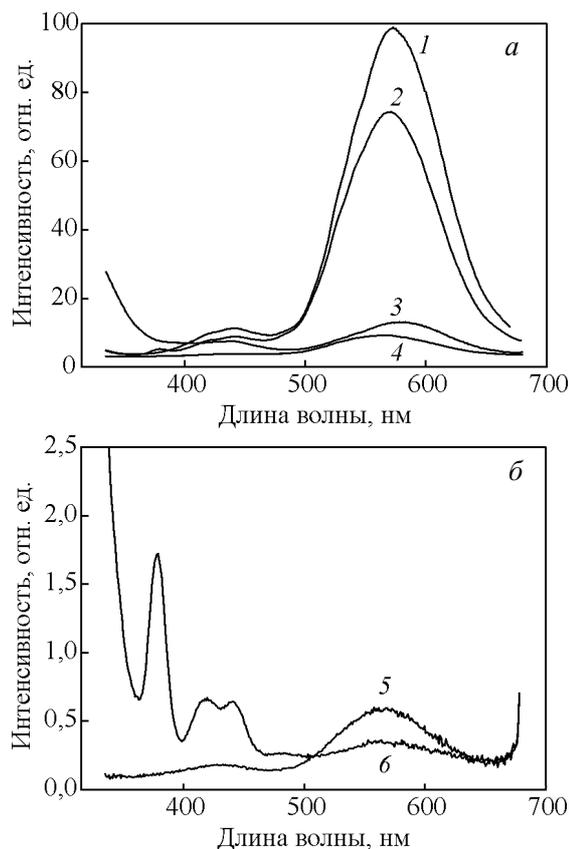

Рис. 2. Спектры ВФЛ образцов МАК с различным содержанием хрома, масс. %: а: 1 – 0,1 (I/3,9), 2 – 1,0 (I/3,9), 3 – γ-Al₂O₃ (I/1,95), 4 – 4,0 % (I/1,4); б: 5 – 8,0, 6 – 11,0. λ_{изл} = 700 нм. Спектральное разрешение – 10 нм.

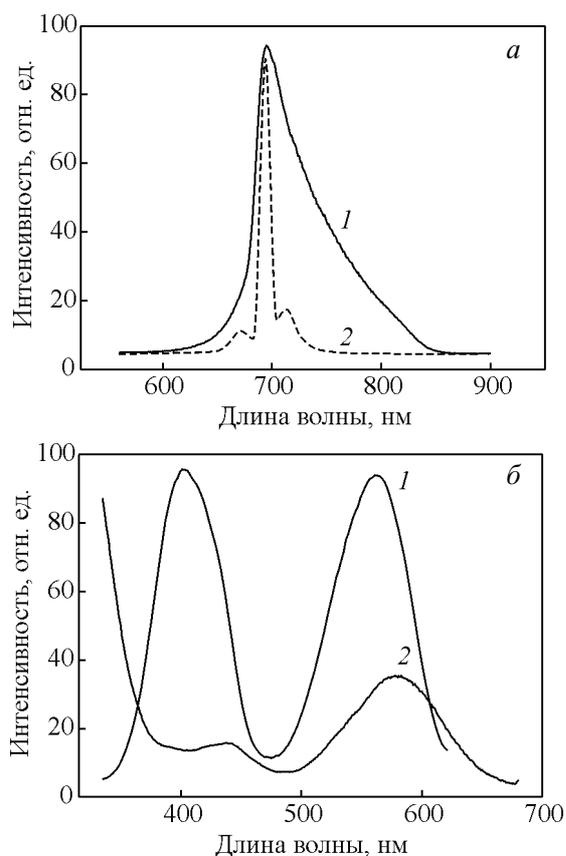

Рис. 3. Спектры: а: ФЛ: 1 – $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$, 2 – рубина, $\lambda_{\text{возб}} = 530$ нм; б: ВФЛ: 1 – монокристалла рубина, 2 – $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$, $\lambda_{\text{изл}} = 700$ нм. Интенсивность спектров ФЛ и ВФЛ рубина уменьшена в 1000 раз. Спектральное разрешение 10 нм.

Для подтверждения нашего предположения о том, что люминесцентные особенности образцов МАК связаны со спектральным проявлением катионов Cr^{3+} , на рис. 3 приведены сравнительные спектры ФЛ и ВФЛ рубина и $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ (табл. 1), полученные в тех же условиях, что и спектры ФЛ и ВФЛ образцов МАК. Положение главных максимумов в спектре ФЛ монокристалла рубина ($\alpha\text{-Al}_2\text{O}_3$) и носителя ($\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$) в виде мелкодисперсного порошка, оказываются соответственно равными: $\lambda_{\text{макс}} = 694$ нм и $\lambda_{\text{макс}} = 695$ нм. Несмотря на невысокое спектральное разрешение (10 нм), максимумы уверенно воспроизводятся при многократном сканировании и варьировании условий измерения спектров ФЛ.

Спектры ЭСДО для образцов МАК приведены на рис. 4. Из спектров ЭСДО видно, что для образцов МАК с концентрациями хрома 0,1 и 1,0 масс.% наблюдаются две полосы поглощения с $\lambda_{\text{макс}} = 280$ и 370 нм (рис. 4, кривые 2, 3), а при увеличении концентрации хрома в МАК от 4,0 до 11,0 масс.%

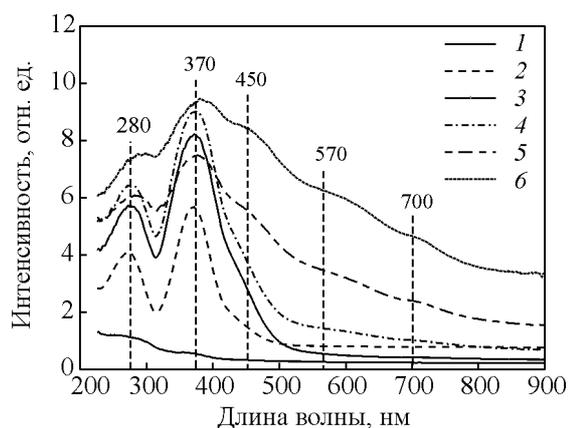

Рис. 4. Спектры ЭСДО $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ и образцов МАК с различным содержанием хрома, масс.%. 1 – $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$, 2 – 0,1, 3 – 1,0, 4 – 4,0, 5 – 8,0, 6 – 11,0.

проявляются пять полос поглощения с $\lambda_{\text{макс}} = 280, 370, 450, 570$ и 700 нм (рис. 4, кривые 4 – 6).

Из рис. 1, 2 и 4 видно, что спектры ФЛ перекрываются со спектрами ВФЛ и ЭСДО в области 625 – 675 нм.

Обсуждение результатов

Как видно из табл. 1, в носителе $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ присутствует примесь хрома в концентрации 0,004 масс.%. Поэтому интенсивный максимум вблизи $\lambda_{\text{макс}} = 700$ нм (рис. 1, кривая 3) можно предположительно приписать к ФЛ катионов Cr^{3+} . Увеличение концентрации хрома в МАК по сравнению с носителем до 0,1 масс.% (рис. 1, кривая 1) приводит к резкому росту интенсивности ФЛ. Начиная с концентрации 1,0 и до 11,0 масс.% (рис. 1, кривые 2 – 6), интенсивность ФЛ падает, но остается уверенно детектируемой. Такие изменения интенсивности, сохранение близости между собой форм каждой из кривых, позволяет предположить, что центром ФЛ являются катионы Cr^{3+} . Подтверждением этого может служить сопоставление данных со спектром люминесценции рубина (рис. 3а). Спектральное разрешение в 10 нм не позволило разрешить R_1 и R_2 линии, поэтому они сливаются в одну со значением $\lambda_{\text{макс}} = 694$ нм (рис. 3а, кривая 2), сохраняя высокую близость к известному резонансному переходу ${}^2E \rightarrow {}^4A_2$ катионов Cr^{3+} в $\alpha\text{-Al}_2\text{O}_3$ [8 – 10]. Было отмечено, что полоса в спектре ФЛ носителя $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ имеет максимум при значении $\lambda_{\text{макс}} = 695$ нм (рис. 3а, кривая 1). Так как носитель по рентгеноструктурным данным представлен преимущественно γ -фазой Al_2O_3 [7], то положение максимума по известным литературным данным должно быть равным 697 нм [11]. Смещение

максимума может быть обусловлено рассеянием, реабсорбцией [14 – 16] в силу значительного перекрытия спектров ФЛ со спектрами ВФЛ и ЭСДО, а также чрезвычайно сильным неоднородным уширением чисто электронного перехода ${}^2E \rightarrow {}^4A_2$. Подобное уширение характерно для катионов Cr^{3+} в сильно кристаллическом поле при их неоднородном распределении в решетке Al_2O_3 [8 – 11].

Для каждой из кривых, разложение на три гауссовых компоненты, позволяет получать достаточно близость между аппроксимирующей кривой и экспериментальной. Наилучшее совпадение дает разложение на пять гауссианов. Во всех случаях разложения спектров, проявляется полоса с максимумом вблизи $\lambda_{\text{макс}} = 770$ нм. Так, в [17] по лазерно-индуцированной люминесценции модельных катализаторов Fe/Al_2O_3 и Cr/Al_2O_3 было показано, что эта полоса обусловлена ФЛ катионов Fe^{3+} . В каждом из образцов МАК и в исходном носителе, по данным элементного анализа присутствует примесь Fe (табл. 1). В случае носителя концентрация Fe составляет 0,008 масс.% и сравнима с концентрацией примесного хрома. Поэтому нельзя исключить возможность проявления в спектрах ФЛ образцов МАК эмиссии катионов Fe^{3+} , стабилизированных в структуре Al_2O_3 . Следует добавить, что спектры ФЛ (рис. 1) получены при возбуждении в область поглощения катионов как Cr^{3+} , так и Fe^{3+} . К другим причинам существования широкого длинноволнового плеча можно отнести вклад в интенсивность обменно-связанных катионов Cr^{3+} , колебательных повторений и проявление дополнительных низкосимметричных фаз Al_2O_3 с различной кристаллической структурой [11, 17].

Анализ спектров ВФЛ удобно проводить в сопоставлении со спектрами ЭСДО (рис. 4). В спектрах ЭСДО полосы поглощения при $\lambda_{\text{макс}} = 570, 450$ нм обусловлены катионами Cr^{3+} [7, 9, 17, 18]. Видно, что эти полосы совпадают с полосами в спектрах ВФЛ (рис. 2). В спектрах ЭСДО полосу с максимумом вблизи $\lambda_{\text{макс}} = 700$ нм отождествляют с проявлением резонансного $d - d$ перехода ${}^2E \rightarrow {}^4A_2$ катионов Cr^{3+} (R-линия). Учитывая такое сопоставление, а также все вышеперечисленные доказательства, можно считать установленным, что наблюдаемая люминесценция для каждого из образцов МАК и носителя $\gamma-Al_2O_3$ обусловлена катионами Cr^{3+} . Особый интерес представляет полоса с максимумом вблизи $\lambda_{\text{макс}} = 370$ нм в спектрах ВФЛ, наблюдаемая для МАК с концентрациями хрома 1,0 и 11,0 масс.% (рис. 2, кривые 2, б). В спектрах ЭСДО полосу с $\lambda_{\text{макс}} \sim 370$ нм приписывают катионам Cr^{6+} [7, 17, 18]. По данным [7] образец с концентрацией хрома

11,0 масс.% обладает наибольшей каталитической активностью, которая в значительной степени обеспечивается катионами Cr^{3+} , образующимися при восстановлении катионов Cr^{6+} . Последние, в свою очередь, присутствуют в катализаторе в слабо и прочно связанных с поверхностью носителя формах [7]. Следовательно, нельзя исключить того, что в спектре ВФЛ образца МАК с содержанием хрома 11,0 масс.% проявляется не только объёмная, но и поверхностная составляющая люминесценции. Однако, эту полосу можно приписать и следовому количеству катионов Fe^{3+} , так как этой области отвечает поглощение катионов конфигурации $3d^5$ [19]. Но тогда остается открытым вопрос, почему в образцах МАК с другими концентрациями хрома, где содержание Fe не уменьшается, в спектрах ВФЛ полоса с максимумом при $\lambda_{\text{макс}} \sim 370$ нм не наблюдается? Ответ на этот вопрос является предметом отдельных исследований.

Промышленный катализатор ИМ-2201 также обладает ФЛ при комнатной температуре в области 650 – 850 нм (рис. 5б) при возбуждении в полосу

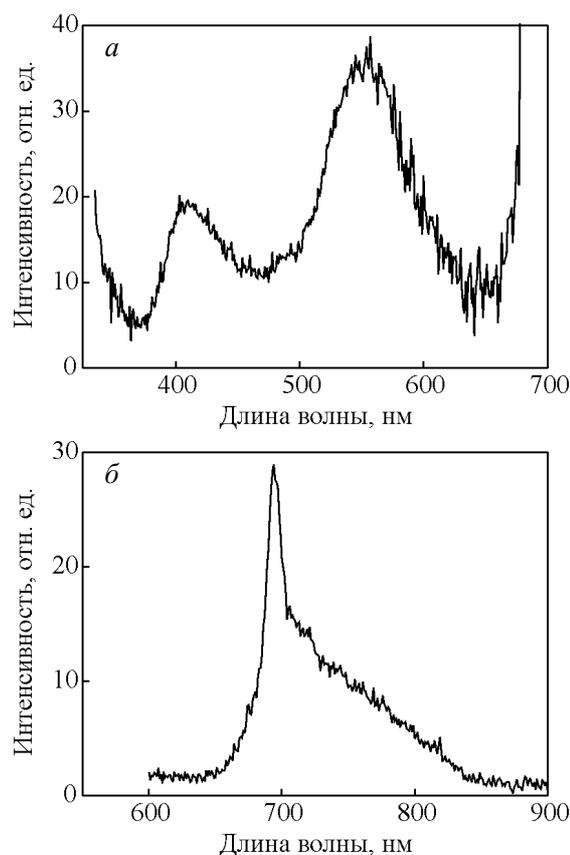

Рис. 5. Спектры катализатора ИМ-2201: а – ВФЛ, $\lambda_{\text{изл}} = 700$ нм, б – ФЛ, $\lambda_{\text{возб}} = 530$ нм. Спектральное разрешение 10 нм.

$\lambda_{\text{макс}} = 530$ нм. В спектре ФЛ наблюдается резкий максимум при $\lambda_{\text{макс}} = 694$ нм, а также длинноволновое плечо в области 700 – 850 нм. В спектре ВФЛ регистрируются две ярко выраженные полосы с максимумами $\lambda_{\text{макс}} = 404$ и 562 нм. Спектры ВФЛ и ФЛ ИМ-2201 представлены на рис. 5а, б, соответственно.

Общая схожесть спектров ФЛ и ВФЛ ИМ-2201 со спектрами МАК (рис. 1, 2) несомненна и позволяет однозначно выделить в качестве доминанты ФЛ катионов Cr^{3+} . Наличие полосы с максимумом при $\lambda_{\text{макс}} = 694$ нм в спектре ФЛ ИМ-2201 может указывать на проявление помимо γ -, ещё и α -фазы Al_2O_3 . Различия проявляются, прежде всего, в соотношении интенсивностей отдельных полос спектра ВФЛ и в большей степени выраженности длинноволнового плеча в спектре ФЛ. Из данных по составу ИМ-2201, приведенных в [12], обращает внимание наличие катионов промоторов K^+ , присутствие которых должно способствовать значительным локальным искажениям решетки Al_2O_3 и приводить к более сильному проявлению длинноволнового плеча в спектре ФЛ. Кроме этого, необходимость зарядовой компенсации может стимулировать образование катионов Cr^{4+} . Резкий спад интенсивности полосы $\lambda_{\text{макс}} = 404$ нм в спектре ВФЛ может быть связан с низкой концентрацией катионов Cr^{6+} — у исходного образца она составляет 1,2 масс.% [12].

Выводы

В проведенных исследованиях алюмохромовых катализаторов $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ с содержанием хрома от 0,1 до 11,0 масс.% и промышленного катализатора ИМ-2201 с содержанием хрома равным 13,0 масс.% обнаружена люминесценция при комнатной температуре. Из анализа результатов следует, что доминирующая роль в ФЛ всех изученных образцов принадлежит катионам Cr^{3+} . Сравнительные измерения спектров ФЛ катионов Cr^{3+} образцов α - и γ -фаз Al_2O_3 и алюмохромовых катализаторов позволили выявить в системах $\text{CrO}_x/\text{Al}_2\text{O}_3$ полиморфные α - и γ -фазы $\text{Cr}^{3+}:\text{Al}_2\text{O}_3$, а также показать возможность разделения люминесценции на поверхностную и объёмную. Полученные результаты исследований приводят к выводу, что методы люминесценции сохраняют свою применимость и являются перспективными при исследовании электронной структуры высокообогащенных алюмохромовых катализаторов.

Авторы благодарят к.х.н. Е.А. Кравцова за проведение измерений элементного состава образцов $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ и МАК.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ № НШ-1183.2014.3 и гранта РФФИ № 14-03-31704 мол_а.

Литература

1. Weckhuysen B., Schoonheydt R., Alkane dehydrogenation over supported chromium oxide catalysts. Catal. Tod., 1999, no. 51, p. 223 – 232.
2. Puurunen R., Weckhuysen B. Spectroscopic study on the irreversible deactivation of chromia/alumina dehydrogenation catalysts. Journal of Catalysis, 2002, no. 210, p. 418 – 430.
3. Gaspar A., Brito J., Dieguez L. Characterization of chromium species in catalysts for dehydrogenation and polymerization. J. Mol. Catal. A, 2003, no. 203, p. 251 – 266.
4. Hardcastle F., Wachs I. Raman spectroscopy of chromium oxide supported on Al_2O_3 , TiO_2 and SiO_2 : a comparative study. J. Mol. Catal., 1988, no. 46, p. 173 – 186.
5. Cavani F., Koutyrev M., Trifiro F. Chemical and physical characterization of aluminasupported chromia-based catalysts and their activity in dehydrogenation of isobutane, J. Catal., 1996, no. 158, p. 236 – 250.
6. Шульга Ю.М., Скрылева Е.А., Куликов Е.А., Мурадян В.Э., Домашнев И.А., Диденко Л.П., Мартыненко В.М., Опенько В.В., Колесникова А.М., Пархоменко Ю.Н., Савченко В.И. Сравнительное исследование строения и свойств $\text{Cr}_2\text{O}_3/\text{Al}_2\text{O}_3$ катализаторов, полученных методами осаждения и пропитки. Альтернативная энергетика и экология, 2007, т. 49, № 5, с. 117 – 124.
7. Немыкина Е.И., Пахомов Н.А., Данилевич В.В., Рогов В.А., Зайковский В.И., Ларина Т.В., Молчанов В.В. Влияние содержания хрома на свойства микросферического алюмохромового катализатора дегидрирования изобутана, приготовленного с использованием продукта центробежной термоактивации гиббсита. Кинетика и катализ, 2010, т. 51, № 6, с. 929 – 937.
8. Грум-Гржимайло С.В., Пастернак Л.Б., Свиридов Д.Т., Ченцова Л.Г., Чернышева М.А. Спектры рубина. Спектроскопия кристаллов. М.: Наука, 1966, 228 с.
9. Свиридов Д.Т., Свиридова Р.К., Смирнов Ю.Ф. Оптические спектры ионов переходных металлов в кристаллах. М.: Наука, 1976, 266 с.
10. Моргенштерн З.Л., Неуструев В.Б. Фосфоресценция и зонная схема рубина. Письма в ЖЭТФ, 1965, т. 2, вып. 11, с. 507 – 510.
11. Кулинкин А.Б., Феофилов С.В., Захарченя Р.И. Люминесценция примесных 3d- и 4f-ионов в различных кристаллических формах Al_2O_3 . ФТТ, 2000, т. 42, вып. 5, с. 835 – 838.
12. Сагбиев И.Р., Абдуллин И.Ш., Шарафеев Р.Ф. Регенерация активного нанослоя отработанного алюмохромового катализатора в ВЧ плазме пониженного давления. Перспективные материалы, 2007, № 5, с. 93 – 96.
13. Снытников В.Н., Стояновский В.О., Пармон В.Н. Лазерно-индуцированная люминесценция оксидных

- катализаторов, возбуждаемая излучением ArF-лазера. Кинетика и катализ, 2005, т. 46, № 2, с. 278 – 287.
14. Андреев А.И., Мухин С.В., Некрасов В.В., Никитенко В.А., Пауткина А.В. Измерение толщины наноразмерных объектов. <http://www.avantes.ru/articles/up1/43.php>.
15. Войтович А.П., Калинов В.С., Рунец Л.П., Ступак А.П. Методы количественного люминесцентного анализа. Журнал прикладной спектроскопии, 2009, т. 76, № 5, с. 768 – 778.
16. Войтович А.П., Калинов В.С., Ступак А.П. Спектры возбуждения люминесценции многокомпонентных сред. Оптика и спектроскопия, 2009, т. 106, № 2, с. 255 – 261.
17. Снытников В.Н., Стояновский В.О., Ларина Т.В., Криворучко О.П., Ушаков В.А., Пармон В.Н. Лазерно-индуцированная люминесценция модельных катализаторов Fe/Al₂O₃ и Cr/Al₂O₃. Кинетика и катализ, 2008, т. 49, № 2, с. 307 – 314.
18. Lever A. Inorganic electronic spectroscopy. Amsterdam-Oxford-New York-Tokyo, Elsevier, 1987, 443 p.
19. Krebs J.J., Maisch W.G. Exchange effects in the optical-absorption spectrum of Fe³⁺ in Al₂O₃. Phys. Rev. B, 1971, v. 4, no. 3, p. 757 – 769.

Статья поступила в редакцию 5.06.2013 г.

Расторгуев Александр Александрович — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), ведущий специалист, специалист в области спектроскопии конденсированного состояния. E-mail: rastorg@catalysis.ru.

Баронский Марк Германович — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), аспирант, младший научный сотрудник. E-mail: baronskiytm@mail.ru.

Зайцева Надежда Александровна — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), кандидат химических наук, научный сотрудник, специалист в области научных основ приготовления катализаторов, дегидрирования низших парафинов, гидрирования непредельных углеводородов, наноструктурных углеродных материалов. E-mail: zaitseva@catalysis.ru.

Исупова Любовь Александровна — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), доктор химических наук, старший научный сотрудник, специалист в области катализа. E-mail: isupova@catalysis.ru.

Костюков Антон Иванович — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), аспирант, младший научный сотрудник. E-mail: ant.kostyukov@mail.ru.

Ларина Татьяна Викторовна — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), кандидат физико-математических наук, научный сотрудник, специалист в области оптической спектроскопии в УФ и видимой областях, массивных и нанесенных кислородсодержащих систем, катализаторов и многофункциональных материалов. E-mail: larina@catalysis.ru.

Пахомов Николай Александрович — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), кандидат химических наук, старший научный сотрудник, специалист в области гетерогенного катализа, научных основ приготовления катализаторов, процессов дегидрирования углеводородов. E-mail: pakhomov@catalysis.ru.

Снытников Валерий Николаевич — Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН (г. Новосибирск), кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, доцент, специалист в области химической физики. E-mail: snyt@catalysis.ru.